

Я поспешно остановил её, одновременно кивнув Фэн Юнчану. Тот ловко убрал кувшин с вином. Гвардейцы Цзянью уже окружили таверну, а прежние посетители и та семья из четырёх человек были оттеснены в сторону. Фэн Юнчан взял чистый черпак и две чаши, бережно налил нам сладкого вина из Цзяньху.

Я поднял чашу и улыбнулся Дугу Шао:

— Зная, что в последнее время ты не в духе, я специально выбрался, чтобы выпить с тобой. Не буду тебя утешать пустыми словами. От души напиться — лучше любого лекарства. Только я не могу крепкого, так что составлю компанию сладким вином.

Дугу Шао посмотрела на меня искоса:

— Это ты не можешь пить крепкое, или тебе кто-то не позволяет?

У меня от стыда загорелись щёки. Я смущённо посмотрел на неё и слегка упрекнул:

— Шилюнян!

Дугу Шао, положив одну руку на поднятое колено, другой опрокинула чашу. Выпив, она протянула её Фэн Юнчану:

— Мне тростникового.

Фэн Юнчан быстро налил ей полную чашу, с полугордостью и полулестью ухмыльнулся:

— Не вините нашу госпожу. Недавно она прихворнула, и государыня-мать наказала не давать ей крепкого вина. Приказ мудреца — мы не смеем ослушаться.

Дугу Шао с усмешкой смотрела на меня. Мне стало неловко.

— Это недоразумение, — тихо сказал я. — Не пей на пустой желудок, съешь что-нибудь...

Оглядев стол, я смутился ещё больше. Мы вышли, взяв только вино да посуду, а еду забыли. Фэн Юнчан же убрал все те неказистые закуски, и теперь на столе, кроме вина, ровным счётом ничего не осталось.

Я поспешно велел Фэн Юнчану снова позвать служителя. Тот принёс две огромные тарелки с мясом — просто отварным, с чашкой воды и блюдцем соли. Дугу Шао высыпала всю соль в воду, обмакнула мясо и отправила в рот.

— Эрнян, не пренебрегай этим мясом. Когда мой отец возвращался из походов, он больше всего тосковал не по домашнему вину или красавицам, а вот по этой простой белой требухе за стенами Лояна.

Поддавшись её уговорам, я тоже отломил кусок, но тут же выплюнул — кроме соли, никакого вкуса. Да и соль была грубой, слишком насыщенной, будто в котёл с мясом опрокинули всю солонку. Дугу Шао смотрела на меня с улыбкой. Во взгляде её не было злобы, лишь некая старческая гордость:

— В молодости отец служил в армии. Под Гаочаном их окружили, воды и пищи не хватало. Сначала кончилась соль — ели одно зерно. Потом кончилось зерно — охотились. Потом и дичь перевелась — голодали. Целый месяц голодали. Кору, коренья, сверчков... Всё, что могли найти, съели. Когда вернулся, заполучил привычку: за едой обязательно добавлять много соли

и мяса. Без соли не ест, без мяса не ест. Поэтому после каждого похода он обязательно приходил сюда, в эту таверну, за мясом.

В иное время я бы с радостью поддержал разговор, восхваляя подвиги её отца. Но мясо было слишком солёным, и, думая о здоровье государственного мужа, я счёл нужным предостеречь:

— Слишком много соли вредит сердцу, мозгу и крови, может привести к ударной болезни. Особенно Луонань-гун уже в летах — тебе стоит почаще его уговаривать.

Высокое потребление соли ведёт к повышенному давлению — в прошлой жизни это знал каждый. Но в нынешние времена даже понятия «давление» не существует. Едят кто как хочет: кто пять-шесть раз в день, кто два. Во дворце время трапез тоже не было строгим — всё зависело от настроения императора и императрицы. Лишь в моём младенчестве, когда я нарочно капризничал, три приёма пищи подстроили под мой распорядок.

Дугу Шао приподняла бровь:

— Эрнян, услышав эту историю, единственное, о чём ты беспокоишься, — чтобы еда не была слишком солёной?

Я ответил серьёзно:

— Конечно нет. Я забочусь о здоровье Луонань-гуна. С точки зрения государства твой отец — заслуженный муж, а значит, и заслуженный муж нашего рода Ли. С личной — ты мой друг. Я от всего сердца желаю, чтобы твой отец и ты сам были здоровы и жили долго.

Дугу Шао улыбнулась, глядя на меня:

— Эрнян, ты всё ещё считаешь меня другом?

Я на мгновение задумался, прежде чем понять, о чём она. Отправив Фэн Юнчана прочь, я улыбнулся ей:

— Я дружу с Дугу Шилюньюн, а не с сязвэем Всадниц Мулан.

Налив ей ещё чашу, я добавил:

— Так вот почему ты редко заходишь ко мне?

Дугу Шао промолчала, лишь улыбнулась, выпила свою чашу, а затем налила мне:

— Сладкое вино кажется мягким, но удар у него тяжёлый. Оно не такое освежающее, как тростниковое. Эрнян, выпей немного — не повредит.

Я последовал её совету, отпив глоток. Вкус был приятным, напоминал что-то из прошлой жизни. Видя, что её настроение смягчилось, я, помедлив, всё же спросил:

— Давно тебя не видел. Всё ли в порядке? Почему тебя... освободили от должности?

Она с горькой усмешкой осушила чашу:

— Отец подыскал мне жениха. Захотел, чтобы я сидела дома, готовилась к свадьбе. Вот и подал прошение — освободили меня от должности, заперли в четырёх стенах, учу тому, что полагается знать женщине.

А-Хуань тоже предполагала эту причину. Но даже зная заранее, я почувствовал тяжесть на сердце. Женщинам в наше время и вправду нелегко. Даже такой, как Дугу Шао, которой сопутствовали и время, и место, и люди, в конце концов приходится через это пройти. А я ничем не могу помочь — лишь налил ей вина и, не дожидаясь, пока она поднимет чашу, опрокинул свою. То, что Дугу Шао называла «освежающим», на деле оказалось крепким. От глотка аж в горле запершило. Я слегка кашлянул. Фэн Юнчан и несколько слуг встревоженно вытянули шеи в нашу сторону. Дугу Шао покачала головой и отодвинула кувшин:

— Ты нездорова, не пей больше.

Я воспользовался моментом:

— Много пить — ум за разум заходит. Пусть ты и крепкая, не стоит злоупотреблять. А то в походе и геомантическую карту не разглядишь — вот будет смех. Береги силы — дело времени.

Дугу Шао снова горько усмехнулась:

— Женщины в армии за тысячу лет были разве что при основании государства, да и то одна Пиньян-гунчжу. Исключительные времена — исключительные дела. Таким, как я, в будущем не светит.

Я сказал:

— Не говори так безнадежно. Раз государыня-мать разрешила тебе быть сяовэем, а министры одобрили создание Всадниц Мулан, значит, ты — полноправный воин. Уйдя в отставку из-за свадьбы, потом сможешь легко вернуться. Не отчаивайся.

Она подняла на меня глаза:

— Ты серьёзно так считаешь?

Я взглянул на Фэн Юнчана, придвинулся к ней и понизил голос:

— Сейчас тоже исключительные времена. Свадьба — дело мелкое, по сравнению с государственными делами и вовсе пустяк.

Дугу Шао с удивлением посмотрела на меня. Боясь, что она не поймёт, я тихо добавил:

— Государь ещё молод, четыре стороны нестабильны. Если страна окажется в огне войны, потребуются опытные мужи для управления. Заслуги, возраст и опыт твоего отца как раз подходят. Если двор его призовет, ему будет не до свадебных хлопот. Туда-обратно — минимум полгода. У тебя появится полгода времени. Пусть и отсрочка, но всё же передышка. Вдруг Цуй Вторая передумает?

Изумление на лице Дугу Шао постепенно сменилось задумчивостью.

— Четыре стороны нестабильны?

Я твёрдо кивнул. Уверенность моя происходила от того, что недавно, находясь в смежной комнате, я случайно услышал имя Сюй Цзинье. Матушка сильно притесняла род Ли, затронув даже тех, кому была дарована наша фамилия. Сюй Цзинье, которого сейчас зовут Ли Цзинье, был смещён за мелкую провинность. Пэй Янь, заступаясь за него во время обсуждения, упомянул заслуги его деда, Сюй Маогун. Сначала я не придавал значения, но вечером,

разговаривая с А-Хуань, случайно сложил фамилию Сюй с именем Цзинье — и вспомнил многое, связанное с этим человеком. В основном — знаменитый «Манифест против У Чжао».

Я не утверждаю, что Сюй Цзинье непременно восстанет. Но при нынешней ситуации, учитывая склонность людей к частным распрям и воинственность, если не Сюй Цзинье, то обязательно найдётся Хуан Цзинье или Чжан Цзинье, которые выступят против матери. И если это вижу даже я, то другие, несомненно, тоже.

Дугу Шао, сжимая чашу, погрузилась в раздумья. Спустя некоторое время на её лице появилась лёгкая улыбка.

— Эрнян, говоришь, пришёл поддержать меня, а на деле всё ради нашего старого солдата. Это желание государыни-матери или твоё?

<http://bllate.org/book/16278/1467298>